

Бородатый человек, а также Ван Хуэй были арестованы Чжан Е Тянь, и шум становился все громче.

Лицо Линси было немного уродливым, и, нахмурившись на Ван Янь, она спросила: "Это правда? Я не думал, что Flying Press будет в той же лиге, что и черно-белая пресса, но Flying Press - это место, где можно спрятать грязь"?

Ван Янь также ожидал использовать чувство справедливости Линси, чтобы стимулировать Яо Цзин, и сразу же объяснил после того, как услышал новость: "Линси, есть хорошие люди в любом месте! Разница с плохими парнями. Даже если "Летающая пресса" хороша, наверняка есть плохие люди. Теперь, когда червь уничтожен, это хорошо для Летающей Прессы. Не пора ли нам избавиться от настоящих злодеев в поле? Несмотря на то, что у Цзи Фа есть мозги и он помог Черно-Белой Прессе искоренить плохие ошибки нашей Летающей Прессы, он сделал что-то тираническое и недоброе в конце концов ах!".

Линси сначала посмотрела на Ван Янь, а потом кивнула головой: "Точно!".

Сказал Линкси, громко крича на Чжи Фа: "Чжи Фа, давай пока оставим это дело в покое. Разве не причина этой пресс-конференции - не причина возмущения по поводу вашего насилия? Джифа, не смей пытаться отвлечь внимание от разговора в другом месте, литературных репортеров "Летающей прессы" нельзя бить напрасно, а их родителей нельзя огорчать напрасно"!

Родители восьми избитых журналистов, которые всхлипывали, мягко кричали на это заявление.

"Мой мальчик, когда доктор сказал, что у тебя сломана нога, я почувствовал, что небо падает!"

"Я даже пальцем не тронул тебя в своей жизни, и ты был послушным и разумным с самого детства, и ты избавил меня от многих неприятностей, и я думал, что твои Будущее тоже будет гладким парусным спортом, кто бы мог подумать, что они внезапно встретят зло".

"О дитя, дитя мое! Если ты станешь инвалидом, я буду заботиться о тебе до конца твоей жизни! Но, пожалуйста, мама, пожалуйста, иди в дом и не позволяй маме стричься!"

Восемь команд из пятидесяти мужчин и женщин, лежащих на восьми медицинских четырехколесных транспортных средствах, кричащих в муках, картина жалкая до крайности, душераздирающая, слезливая, еще несколько мягкосердечных женщин-журналистов прямо кричат.

"Этот сукин сын Чжи Фа, посмотри, что он сделал с семьями людей."

"Будет ли ему грустно видеть этот образ?"

"Кифа, Кифа, Кифа..."

Светодиодный дисплей смотрит прямую трансляцию перед компьютером.

Девять из них даже прокляты.

"Если бы Кифа был из нашей школы, мне пришлось бы забрать моих братьев и сломать ему ноги!" Молодой человек был возмущен.

"Хм, такой социальный червь, если бы его поместить в армию для обучения, пришлось бы снять слой кожи!" Солдат был раздражен.

Старуха плюнула в рот полным ртом и сказала: "Что старуха не видела раньше, прожив эти семьдесят лет? Но такой безжалостный человек создал ад! Да, черт возьми! Такой человек заслуживает попасть в восемнадцатый круг ада!"

Как будто в ответ, восемь человек на четырехколесном транспорте закричали в нужное время.

"А! Я не чувствую своих ног! Мам, я же не должна нарушать этот вопрос?"

"Папа, мне придется жить в инвалидном кресле, прежде чем я смогу почтить твоего старика?"

"Что, черт возьми, не так с этим миром, и что не так с моим миром"? Неужели нет никого, кто бы позаботился о таком злодее, как Чжи Фа, даже если он творит зло, верно? Мой мир, он мертв?"

Услышав крики боли от этих восьми мужчин и женщин, восемь команд из пятидесяти мужчин и женщин плакали еще более слезливо.

Огонь правосудия ярко горел в глазах Лингкси, и гнев был очевиден.

Ван Янь знал, что пришло время, и внезапно закричал: "Жаль тысячу семей! Бедный Чин Тунг! Жаль, жаль, жаль! Эти восемь человек уже были настолько жалкими, несмотря на то, что были легко ранены, так кто же провоцировал председателя Цяня? Председатель Тысяча просто хотел навестить меня, старого друга, так почему меня выгнали со второго этажа? Второй этаж! Кто мог упасть со второго этажа невредимым? Жаль моего хорошего друга, председателя Кьена, который так много сделал для города, как один из десяти выдающихся предпринимателей города, вместо того чтобы наслаждаться Любимый всеми, а теперь ты в этом бардаке! К сожалению, тысяча семей! Тысяча болезненных семей!"

В это время Тысяча Уро, которая сидела в толпе, внезапно встала и сказала: "Тетя Ван Янь, не грустите. Мой отец только что позвонил мне и сказал, что придет на место преступления, а теперь он за дверью!"

Когда Чиро произнес эти слова, в комнате поднялся шум.

"Что? Чайнатруст здесь? Тысяча Донгов покрыта ранами, как он может рисковать, что его раны раскроются, чтобы попасть в такое место?"

"Похоже, что Тысяча Донгов также не выдержала того, что сделала Кифа, и хотела прийти и исправить злодеяния Кифы!"

"Скорбящая тысяча

Донг, это ранит Чиен Донг а!"

Дверь в конференц-зал была снова открыта, когда голоса людей заполнили зал.

Чикё сидел в инвалидном кресле и был затолкнут внутрь.

Это было потому, что Чин-ро сказал, что Чин-кюн придет, так что все знали, что это Чин-кюн сидел в инвалидном кресле, иначе они действительно не могли сказать.

<http://tl.rulate.ru/book/40231/928055>